

ВНЕКОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ ОРГАНИЗОВАННОЙ ЛЖИ

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: В статье рассматривается проблема истины в политике. Основываясь на оригинальной интерпретации концепции Ханны Арендт, автор анализирует конфликты между истиной и политикой, истиной и мнением, истиной разума и истиной факта, позицией философа и позицией гражданина. «Главной правдой XX века», по мнению автора, стала связь между техническим прогрессом в создании средств насилия, который обесмыслил понятие военных преступлений и сделал неизбежной преступную войну, и возникшей системой организованной лжи как оружия в борьбе с истиной в политике.

Ключевые слова: истина и политика, истина и мнение, истина разума и истина факта, гражданская позиция.

В.П. Макаренко: Вначале для разгона скажу несколько слов общего порядка. Всегда, когда делаешь доклад, тобою овладевает определённое чувство. Если ты говоришь о том, о чем писал полгода или три месяца назад, то это становится для тебя самого скучноватым, как минимум, а то и противным. Хотя публика этого не слыхала и не читала. Так обычно бывает. Я здесь и сейчас должен сделать доклад на тему «Донос в системе государственного цинизма». Но статья с таким названием уже опубликована три месяца назад [Макаренко 2014]. А писал я ее прошлой осенью. Мусолить то, от чего ты уже остыл, не хочется. А к Ханне Арендт я ещё далеко не охладел. Мне это интересно. Развернувшаяся здесь дискуссия (хотя и корявая), свидетельствует, что именно политико-философская часть этой проблемы будет более уместна для развития дискуссии. Поэтому я расскажу о том, что ещё не опубликовано¹. (Обращаясь к Г.В. Драчу). Гена, это реакция и на подпочву твоих вопросов, сентенций и риторики.

А.В. Оболонский: У меня есть комментарий по ходу дела. Все, что вы сказали, очень интересно. И даже возвышенно. Хотя со многим можно дискутировать. Но я не об этом, а насчёт Ханны Арендт. Пока вы говорили, я нашёл из неё очень хорошую цитату. Что проблема с Эйхманом заключалась именно в том, что таких как он, было много. Большинство не было ни извращенцами, ни садистами. Они, цитирую, «были и есть ужасающе нормальными. И что все эти зверства — уроки страшной, бросающей вызов словам и смыслам банальности

¹ Ко времени подготовки этой стенограммы к публикации статья опубликована [см.: Макаренко 2015]. Поэтому текст доклада В.П. Макаренко мы опускаем.

зла». После этого некоторые люди стали эмпирически насыщать эту концепцию. Я имею в виду прежде всего Стэнфордский эксперимент и то, что потом делал Зимбардо и Милгрэм. Вы помните, что из этого всего получались. Хорошие люди начинали творить зло. Действительно, тут работала дегуманизация. Мы с вами это слово почему-то сегодня забыли. Но хорошая новость в другом. Зимбардо и его предшественник нашёл противостояние этому. Да, зло банально. Но существует и другая концепция — банальности героизма, который злу противостоит. Причём, это рассуждение примерно такое: это общий признак человеческой природы, а не редкое качество, присущее немногим избранным; потенциал героизма есть в каждом человеке и ждёт своего часа; обычный герой не всегда идёт в обход; каждый способен стать героем в той или иной степени. То есть, это апелляция к лучшему в человеке. Примеров тому можно привести много. В том числе из сферы политики.

Чтобы никого не нервировать, не буду говорить о России. Скажу о Турции. Не так далеко отсюда. Пару лет назад в Стамбуле происходили очень жестокие массовые выступления. В связи с избыточной исламизацией. Полиция сначала вела себя терпимо, а потом довольно жёстко. Люди культуры, люди искусства начали находить формы противостояния полиции. Один довольно популярный актёр просто становился и стоял напротив полиции. Его бить было не за что. Но все понимали, почему он стоит и что таким образом выражает. И там выявилась одна вещь: так называемые правоохранители (а в российских условиях это сплошь и рядом правонарушители) гораздо глупее, тупее, менее изобретательнее, чем протестующие. Я занимался этим на американском опыте. В США полицейские тоже тупые. А креативность другой стороны гораздо выше. Лев Дмитриевич, я думаю, что вперёд движет не арифметическое большинство, и даже не всегда винтовка, которая рождает власть, а продвинутое меньшинство. Такова одна из листовок, обращённых к полицейским. Это относится и к Нью-Йоркскому процессу. Придёт время, когда слова: «Я лишь выполнял приказ» не будут служить оправданием. Мы говорим только о верхушке. А была целая серия процессов с другими людьми.

В.П. Макаренко: Да. И стенограммы на русском языке до сих пор не опубликованы.

А.В. Оболонский: Выполнение преступного приказа не является оправданием. Кстати, это закреплено и в Российских законах. Например, в Законе о госслужбе, Законе о полиции. Другое дело, что у нас законы за фальсификацию выборов и за неправосудные приговоры реально не применяются. Так вот, насчёт банальности героизма. Можно ли это использовать в контексте повышающей адаптации чего угодно? Это не обязательно связано с какими-то броскими вещами. И пару вопросов хотел задать по этому поводу. Женщина облагораживает человечество.

В.П. Макаренко: Наш учитель по физике в шестом классе говорил: «Женщина облагораживает человека». Про человечество он не упоминал (*смех в зале*).

А.В. Оболонский: А я вспомнил Каддафи. Не поленился прочитать его зелёную книжку. Там самая короткая глава — три страницы — называется: «Женщина тоже человек». И если Гитлер и Сталин были клоунами, то кто же мы такие, если они нас так разводят? На самом деле у них была масса изощрённых и тонких механизмов. О них можно говорить как о талантливых злодеях. А говорить, что они тупые — это себя унижать. Вот то, что я хотел сказать. А вообще это все интересно.

В.П. Макаренко: Надо как-то реагировать, а я не особенно хочу. Потому что, во-первых, я с этим согласен, но надо специально рассматривать соотношение героизма и зла. Вон сидит Даша Протасеня, у нее доклад о критике героизма Петером Слотердайком. Он на этом строит свою теорию цинизма. Это интересные темы, но я сейчас их не затрагиваю. Мы можем говорить о конкуренции концепций героизации и дегероизации человека. Это всегда вопрос личного выбора. Никто третий не в состоянии мне предписать броситься на вооружённого человека, когда я безоружен. Никто третий не может мне предписать броситься на амбразуру. Никто третий не в состоянии предписать мне выступить в критических обстоятель-

ствах. Я могу здесь с удовольствием сослаться на фронтовика Раппопорта, который в танковых войсках прошёл всю войну, а в сталинских дискуссиях по генетике имел мужество публично и резко сказать, что Лысенко дурак, а его взгляды не имеют отношения к науке. Тем более, что сегодня лысенковская белиберда реанимируется. Но Раппопорт был одним из немногих. Такие люди и такие поступки были и останутся эталонными. Моя мама называла большинство людей баранами. Я на основе личного опыта могу добавить, что все мертвые, живые и ещё не рождённые люди — это застывшая вулканическая лава, в которую вкраплены частички драгоценного метала. Этим и определяется ценность человека. Он сам решает, быть ему бараном, лавой или драгметаллом. На эту тему я не дискутировал. Моя задача реконструировать подход к проблеме, задать определённую теоретическую плоскость для обсуждения проблемы соотношения между истиной и политикой, истиной и ложью. В состав этой проблемы помещаются темы коллаборационизма и цинизма, хотя я об этом не упоминал. В надежде на проницательность аудитории. Домыслить это можно без особого труда.

А.В. Оболонский: Разница в том, что вы это качество подаёте как уникальное, а я как распространённое.

В.П. Макаренко: Что касается турок, то я об этом писал в статье об Орхане Помукке и его отношении к теме армянской резни.

А.В. Оболонский: Орхан Памук живёт давно в Германии.

В.П. Макаренко: Я не настаиваю, что исчерпал тему.

Г.В. Драч: Виктор Павлович, небольшой вопрос. Всё-таки государственные интересы противоположны истине в каком смысле? В том, как это делал Перикл? Строил большие стены, а Спарте все время говорил, что мы ничего не делаем, пока стены не были построены. А ведь государственные интересы никак не защитишь, только при помощи маскировки. Или какие-то другие возможны варианты?

В.П. Макаренко. По поводу Перикла. Я уже забыл о факте, который ты приводишь. Но это частный случай лжи ради другой цели. Это типичная ситуация в государстве. Зато я штудировал классическую работу Альберта Хиршмана «Лояльность, критика, уход». Там как раз дан обзор истории понятия интереса вообще и государственных интересов в частности. Оттуда вытекает, что понятия интереса (как отношения между сущностями) в Древней Греции не существовало. Это — изобретение схоластической философии, которое было заимствовано в Новое время. Тебе хорошо известно, что в средневековой философии проблема отношения между сущностями разделила всю философию на четыре направления. Значит, надо специально вникать в эту дискуссию. Что означало понятие интереса? Особая проблема — что означало понятие интереса в истории русского государства. Обсуждения этой проблемы у Хиршмана нет. Но хорошо известно, что вдруг, неожиданно, начиная с Петра I, начинает использоваться это понятие. Его базис — понятие государственного разума — было введено кардиналом Ришелье, но в России оно исчезло. Хотя я это говорю навскидку, я не такой знаток, надо копаться в рукописях того времени. Не является ли оно заимствованием такого же типа, как Петр строил корабли, создал кунсткамеру и так далее? Не знаю. Понятие интереса — термин латинского языка. Имеет ли оно коннотации в греческом языке, от которого произошёл целый ряд понятий славянских языков, тоже не знаю. Тут специальное исследование нужно. Я сейчас не могу этим заниматься. Это первая часть ответа

А на вторую часть я ответил в книжке «Главные идеологии современности». Там есть глава о национализме, в которой я выписал детально концепцию государственных интересов. И показал, что до сих пор концепт государственных интересов обслуживал горы трупов, принесённых на алтарь государства. Этот концепт связан с правом войны. Вот что такое в реальном воплощении ссыла на государственный интерес. Насколько люди, употребляющие это понятие, осознают все эти реальные сложности, если даже в научном сообществе мы не проводим различия между реальностью и использованием понятий ради их обслуживания? — это тоже специальная проблема.

Теперь задам тебе контрвопрос по поводу ссылки на Перикла. Не осуществляешь ли ты ошибку ретроспективы? Ведь Михаил Константинович детально описал эту ошибку. Она состоит в том, что мы сегодняшние наши оценки опрокидываем в историю трех- и двухтысячелетней давности. Здесь лежит острая методологическая историческая и политическая проблема. А что касается конкретных примеров — я с удовольствием предлагаю обсудить специально эту статью Петрова и книгу Хиршмана на совместных семинарах. Потому что тот и другой работали как подлинные историки философии. А я же вначале оговорку сделал: историко-философский пласт работы интересен сам по себе. Он связан с детальным, конкретным, микроскопическим, филологическим анализом смыслов данных понятий в каждый конкретный момент времени 1) в каждом конкретном документе, 2) при их составлении и практической реализации, 3) в конкретных ситуациях, 4) и так далее. Здесь чрезвычайно много важных и интересных вещей. Вот о чем идёт речь. Я прекрасно осознаю эту сложность. И думаю, чем лучше мы осознаем эту сложность, тем меньше будем дурачить друг друга, не говоря уже о публике. Вот как бы я ответил на твой вопрос, Гена.

И.А. Иванников: Виктор Павлович, у меня возникло сомнение в вашем утверждении: любая политика противостоит всем формам истины. Мне кажется, такая политика невозможна, она не жизнеспособна. И не может существовать какое-то длительное время. Она все равно так или иначе должна базироваться на каких-то реалиях или каких-то истинах. Возьмём конкретный пример. Политика современной России базируется на патернализме. Это истина или нет? В общественном мнении господствует имперский синдром и ностальгия по великому государству. Это истина или нет? Если да, то некорректно утверждать, что политика противостоит всем формам истины.

В.П. Макаренко: Спасибо за замечание. Вы правы. Я ведь только обозначил проблему. Ханна Арентд вводит различие между истиной факта и истиной мнения. Вы сейчас говорили об истинах мнения.

И.А. Иванников: Это не мнения, это реалии.

В.П. Макаренко: Политика невозможна без использования мнений. Арентд в этом видела свободу. Более того. Она пишет: когда мы лжём, мы реализуем собственную свободу. Значит, без учёта различия истины факта и истины мнения на этот вопрос ответить невозможно. А как раз истину мнения она связывает со спецификой политической деятельности. Я это просто опустил. Мне некогда было об этом говорить. Я потом скажу о том, на что я пока не нашёл ответа у Ханны Арентд.

И.А. Иванников: Имперский синдром — это реалии, а не мнение.

В.П. Макаренко: Я не пользуюсь этим жаргоном. Никакая это не реалья. Это вы предлагаете мне определённый способ языка для обсуждения этой реалии. А я отвергаю то и другое. Я конструирую свой собственный терминологический аппарат. Может, он и примитивный, но шаблонами официальной российской публицистики и журналистики я не пользуюсь. Лев Дмитриевич может хорошо рассказать, к чему ведёт использование этих словечек даже в социологических исследованиях. Это специальные проблемы социолингвистики как определённой методологии социологического исследования. Другое дело, что на нее почти не обращают внимания. Можно попасть в-большой-просак, если мы используем этот жаргон в качестве программы социологического исследования. Имперский синдром — это только одно из мнений в рамках определённого набора клише. Стало быть, если мы являемся сознательными гражданами данной страны, мы должны конструировать свой собственный язык. Если мы согласны с идеей гражданина как активного участника политического процесса. Я охотно признаю, что не успел обсудить эту важнейшую тему, и сделал на этот счёт особую оговорку.

Сейчас скажу, на что я не нашёл ответа у Ханны Арентд. Есть несколько концепций истины: Аристотеля, Гегеля, Тарского, Лукасевича. Она эту проблему не обсуждает. А если ставить ее всерьёз, то надо сравнивать различные концепты политики и различные концепты ис-

тины на протяжении всей истории и их преломление в сегодняшней ситуации. Я не в состоянии это сделать. Я могу только прокукарекать об этой проблеме.

В.А. Шкуратов: Здесь часто упоминалось понятие истины. А тебе не хочется обсудить противоречие между эссенциализмом и современным конструктивизмом? Ведь твоя концептология не столь эссенциалистская, как ты утверждаешь. Она склоняется к конструированию некоторых понятий, которые не укладываются в жёсткую онтологию.

В.П. Макаренко: Да я не возражаю. Но не могу ещё и этим заниматься. Пусть кто-нибудь другой. Вон Гена пусть займётся. Это философам ближе.

А.В. Лубский: Виктор Павлович, в связи с этим хочу высказать одну реплику. У Павла Флоренского есть интересная мысль: целокупная истина упала на землю и разбилась на мелкие осколки. А подобранные её объявили себя обладателями всей истины. Поэтому спор который мы тут затеваем — это спор людей, которые подобрали осколки, но объявили себя обладателями истины.

В.П. Макаренко: Это ты цитируешь сам себя из одной из твоих статей. Я это предложение прекрасно помню. Но ведь Флоренский имел в виду религиозную истину.

А.В. Лубский: Я говорю к тому, что эти вопросы интересны, но они не по теме.

В. Козерь: Виктор Павлович, я с большим интересом прочитал вашу статью о доносе. Какова связь между коллаборационизмом и цинизмом? И существует ли в этих условиях высокой степени политического цинизма не цинический коллаборационизм?

В.П. Макаренко: На это отвечу шутя — верхне-донским говором: трошки существует (*смех в зале*). Разве мне нельзя подурачиться? Разве я сейчас могу вникать в этот вопрос? Мало-мальски строго ответить на него не могу. А чистой риторикой заниматься не хочу. Здесь и так ее адептов хватает.

Макаренко В.П. 2014. Донос в системе государственного цинизма. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 4.

Макаренко В.П. 2015. Уроки Ханны Арент: внеконтекстуальные проблемы системы организованной лжи. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 1.